

тора. Но он был щедр к герцогу не только на этот раз, и от праздника Богоявления до Вознесения доставлял ему от двора каждую неделю столько золотой монеты, сколько двое могли снести на плечах, и десять мер медных денариев. Герцог не брал ничего для себя лично и раздавал щедро благородным и народу, сколько, по его мнению, кому было нужно. Выйдя от государя императора, они простились с ним на время и возвратились в лагерь. После того они отпустили к отцу с почетной свитой Иоанна, сына императора, которого держали заложником у себя до возвращения государя герцога. Император же объявил всенародно, что под страхом смертной казни должно быть доставляемо все необходимое войску герцога по дешевой цене и верному весу. И герцог, со своей стороны, запретил через глашатая под страхом смертной казни чинить насилие или неправду кому-либо из людей императора. Таким образом, уживаясь довольно хорошо друг с другом, они продолжали в тишине свои отношения. Наконец, в середине марта (1097 г.), так как начали прибывать другие князья и находились уже вблизи, то герцог по требованию императора и также согласно желанию народа и благородных сел на приготовленные корабли, перевез свое войско через Геллеспоит в Вифинию первую азиатскую провинцию, и расположился лагерем в окрестностях Халкедона. Это тот самый город Вифинии, в котором при государе Папе Льве Старшем и императоре Маркиане был созван четвертый Вселенский Собор из 636 отцов против лжеучения монаха Евгения и александрийского патриарха Диоскура. Это место весьма близко от Константинополя и отделяется одним Босфором; они могли видеть оттуда город (Византию), и кто имел важное дело, тот мог без затруднения три или четыре раза в день отправляться из лагеря в город и обратно. А то, что император побуждал герцога ускорить переправой, происходило не от его религиозной ревности, а по свойственной ему хитрости; именно: он боялся, что войско может усилиться новыми пришельцами, и по той же причине побуждал всякий раз тех, которые являлись после, отправляться поспешно на кораблях,

не ожидая следовавших за ними, чтобы таким образом никогда не соединялись перед городом две армии.

В следующих двух главах, XIII и XIV, автор, оставив на время Готфрида и его войско в лагере у Халкедона, обращается к другим крестоносцам и говорит именно, каким образом Боэмунд, князь Тарентский, сын Роберта Гвискара, вместе с Танкредом, своим племянником, и другими итальянскими и галльскими владетелями, сделал переход через Адриатику в Дураццо и оттуда через Эпир и Македонию прибыл в Константинополь; при этом автор приводит примеры нового коварства Алексея, который в одно и то же время пишет самые лестные письма Боэмунду, приглашая его к себе, и приказывает своим войскам тайно напасть на крестоносцев и истреблять их; при р. Вардаре греки напали на оставших, но были разбиты; однако Боэмунд, не уступавший в хитрости Алексею, не обращал на то внимания, скрыл свое неудовольствие и поспешил к императору, показывая вид, что он торопится воспользоваться дружеским его приглашением.

XV. Пройдя всю Македонию и Иллирию, Боэмунд спешил далее, но потихоньку, и таким образом стал приближаться к городу (Константинополю). Когда он прибыл туда, был уже четверг перед Пасхой (в апреле 1097 г.) и император снова просил его через послов отправиться к нему в город без войска, в сопровождении одних приближенных. Опасаясь коварной злобы императора, он стоял долгое время и колебался принять приглашение. Пока он находился в такой нерешимости, явился к нему в сопровождении блестящей свиты князья знаменитый муж герцог Готфрид, которого настоятельно просил император пойти навстречу Боэмунду и привести его к себе, чтобы тот ничего не мог опасаться. Объяснившись и искренне облобызав друг друга, они дружески беседовали и расспрашивали взаимно о том и другом; наконец герцог посоветовал Боэмунду воспользоваться приглашением императора. Сначала Боэмунд упрямылся и не хотел слышать никаких убожеских речей герцога, но после уступил благородным речам герцога и отправился доверчиво в его сопровождении к императору. Император облобызал его в знак мира и показал ему все знаки любви и почта; потом они дружески беседовали, и тогда